

Следующим днем Ли Инчунь сидел, закутавшись в меховой плащ, на любимейшей уже веранде. На его коленях лежал Дами, и юноша небрежно поглаживал котенка кончиками бледных пальцев. Лицо Ли Инчуна было нахмурено.

Сегодня был тот день недели, когда Юань Яо не проводил занятий в тихом Саду камелий. Когда его нанимали, учитель выдвинул единственное условие: чтобы ему давали один выходной, в который он смог бы встретиться со своей семьей. Они жили в столице, не так далеко от поместья Фэн: Ли Инчунь считал эти встречи глупостью. Неделя слишком маленький срок, чтобы случилось что-то, о чем срочно надо рассказать родственникам, а без причин оббивать их пороги — вверх прилипчивости. Впрочем, так думал лишь он, росший в своей семье и имеющий собственные мысли о том, чем эта самая семья является. Юань Яо со своим отцом, матушкой и братьями был близок, потому такие встречи для него были радостными: уходил он туда искрясь, словно праздничный фейерверк, нетерпением, а возвращался размеренным и счастливым, с небольшим мешочком своих любимых лакомств. Ли Инчунь не мог его понять.

Однако выходные учителя задевали не только его. С самого утра, когда Юань Яо, бесстыдно хвалясь своими планами на сегодняшний день, отбыл, даосы Ян и Чжунчу сделались подавленными. Они не стали рассказывать об этом, но, вероятно, некоторые близкие им люди остались далеко от шумной столицы, в цзянху, куда нельзя было вернуться лишь по своему желанию. Глядя на них, Ли Инчунь не мог представить стариков в окружении внуков и с женами, потому через время спросил:

— У уважаемых даосов есть семьи?

— Семья заклинателя — его секта, — поучительно заметил даос Ян. — Учитель как отец, шисюны как старшие братья, а шимэй — как младшие сестрички. Другой семьи тому, кто вступает на путь дао, не надобно!

— Это так, — покивал даос Чжунчу, но тут же вновь поник. — Однако мой шисюн в секте так же кровный старший брат. Пусть с другими я могу быть ближе, но, слушая рассказы учителя Юаня, мне и с ним захотелось увидеться.

— Дурак, — заявил даос Ян. — Шисюн на тебя даже не смотрит, а ты все бегаешь за ним хвостом! Вспомни лучше о нашем учителе: вот кто заботится о нас, словно о собственных детях!

Даос Чжунчу задумался — и тут же боязливо поежился. Кажется, воспоминания его об учителе были полны не только отеческой ласки. Впрочем, даже страху было не перебить вдруг родившуюся в груди печаль, и очень скоро даосы вновь хмуро замолчали. Оба они сегодня остались с Ли Инчуном — забрать одного Пятого принца должен был только к вечеру, — и внезапно господин Ли ощутил, словно нянчиться с малыми детьми. Ему все равно было на их печаль, но подавленные выражения лиц и Ли Инчуна заставляли грустить, потому он коротко распорядился:

— Становится холодно: даочжан Ян, разожгите в комнате жаровню. А вы, даочжан Чжунчу, принесите мне горячего сливового отвара.

Заклинатели поднялись, теперь даже не задумываясь над отданными приказами. Фэнцзи, что наблюдала за этим, проводила стариков подозрительным взглядом, а после того, как они скрылись, спросила:

— Господин Ли, как так вышло, что они вас теперь во всем слушают?

— Немного дрессировки и только, — легко ответил Ли Инчунь. — Сначала ты просишь сделать что-то, что нужно человеку тоже, потом вещь более отвлеченную — и так до тех пор, пока он не начнет слушаться каждого слова, — юноша пожал плечами. — Но у меня так легко вышло еще и оттого, что я болен, а праведные заклинатели не могут пройти мимо калек.

— Удивительно, — поразилась девушка. Ее трогала одновременно и изобретательность Ли Инчуна, и наивность даосов: они были старше ее родителей, а все равно купились на подобный трюк. Впрочем, трудно было тут решить, это даосы слишком мягкосердечны, или господин Ли — страшен.

Через время вернулся даос Чжунчу с кувшином сливового напитка. Он оставил его на столе рядом с Ли Инчуном и хотел уже опуститься на край веранды, вновь поддавшись невеселым размышлениям, когда господин Ли вдруг спросил:

— Ты по пути с кухни не видел Дами?

Даос невольно скользнул взглядом к коленям Ли Инчуна: юноша скрестил бледные ладони, но шерстки Дами меж них видно не было. Чжунчу Чэн огляделся.

— Нет, — сказал он. — Тигр куда-то убежал? Я посмотрю в комнате.

— Он уже привык к моим покоям, но остается слишком любознательным, — покачал головой господин Ли. — Как бы он не убежал за пределы двора и не потерялся в поместье.

Чжунчу Чэн живо представил эту картину: Дами был непоседливым котенком и обладал трудным характером. Если бы он потерялся, его бы сразу отнесли к матушке Сяоху, у которой жило множество кошек: Дами, однако, вряд ли смог бы с ними поладить. Скорее всего он принялся бы шипеть на всех, нажил себе кошачьих врагов и вернулся бы в Сад камелий однажды с порванным ухом, одним глазом и страшной раной предательства на хрупкой душе...

Конечно, этого нельзя было допустить, потому даос Чжунчу тут же отправился на поиски котенка. Вернувшийся вскоре даос Ян присоединился к другу: издали могло показаться, что два величественных даоса, отмеченных нитями старости, отслеживают духа или злобного демона, что вздумал вредить простым смертным — на деле же они ловили котенка. Зрелище, по мнению Ли Инчуна, весьма уморительное.

Тем временем Сижэнь, служанка наложницы Чжоу, после раскрытия тайны хозяина Сад камелий не желала сидеть сложа руки: пусть матушка Сяоху приняла объяснение господина Ли и приказала о нем больше не упоминать, в душе наложницы Чжоу до сего времени жили сомнения. Томно глядя в окно из-под полога густых ресниц, женщина тяжело размышляла над своим положением и положением своих детей, что, конечно же, не могло остаться незамеченным ее верными служанками. Сижэнь выпросила выходной, сказав, что пойдет в город, но вместо того отправилась к нарядившимся свежей краской воротам Сада камелий и несмело поднесла руку к створке. Она пока не придумала, как выяснить о господине Ли больше, но решила действовать по обстоятельствам: однако, едва хрупкая девичья рука приблизилась к воротине, дверь внезапно распахнулась.

В первый миг Сижэнь замерла — перед ней не было никого, словно ворота открылись сами собой чудесным образом, — но после опустила взгляд. У порога сидел на корточках, подняв на нее взгляд, один из даосов Пятого принца. Кажется, он что-то искал, потому выражение лица у него было сосредоточенным. Сижэнь поспешила опуститься на колени.

— Даочжан! — растерянно воскликнула она. — Что вы тут?..

— Ох, девочка, а ты здесь откуда? — удивился даос в ответ. Когда он молчал, неизменно возвышенная аура окутывала белоснежную бороду и испещренное морщинами лицо старика, но стоило ему открыть рот — как в душу прокрадывалось ощущение чего-то неправильного. Сижэнь сама бы не смогла объяснить свои чувства, но невольно тон ее стал куда менее почтительным.

— Я пришла от наложницы Чжоу, чтобы... — девушка на миг замялась, но тут же нашла верную причину. — Чтобы предложить помощь во дворе. Сад камелий много лет не использовался и тут, должно быть, много работы. Наложница Чжоу не хочет, чтобы гость чувствовал себя в чем-то обиженным, потому прислала меня.

— Вот как, — удивился даос. — А ты вовремя: нам как раз пригодилась бы сейчас лишняя пара рук. Только в начале... — он замолчал и обернулся к главному зданию. — Пройди к господину Ли и спроси, можно ли помочь. Он не любит большого скопления людей вокруг, потому требуется его позволение.

Сижэнь радостно кивнула и хотела было подняться — но даос все еще стоял на коленях. Неприлично было бы служанке возвышаться над ним. На некоторое время, глупо смотря друг на друга, двое замерли на земле по разные стороны порога, а потом даос, поняв, что от него требуется, торопливо поднялся и отряхнул подол своих одежд. При этом он бормотал себе под нос что-то о том, что не хочет снова стирать халат, но Сижэнь этого не слышала, потому как, ловко проскользнув мимо старика, отправилась к главному дому.

Девушка быстро взойшла на порог главного дома, но у закрытых дверей главных комнат заробела и замерла. Обычно до господ посетителей провожали слуги, а просто так ввалиться в комнаты значило бы проявить неуважение. Однако едва Сижэнь задумалась над своим положением, изнутри раздался тихий, но удивительно четкий голос:

— Фэнцзи, у нас посетительница. Впусти ее.

Послышались легкие девичьи шаги и дверь резко распахнула Фэнцзи, служанка молодого господина, ныне впавшая в немилость. Она всегда вела себе высокомерно, но из-за молодого господина ей не смели перечить — но и теперь, однако, девушка не растеряла холодности взгляда и не опустила воинственно вздернутой головы. Осмотрев Сижэнь с головы до ног, Фэнцзи обернулась внутрь комнаты и сказала:

— Господин, это служанка наложницы Чжоу. Впустить?

— Да, — ответили ей.

Сижэнь задыхнулась возмущением — ей же только что позволили, зачем переспрашивать! — но все же усмирила гнев в душе и вошла в комнаты. Ли Инчунь встретил ее безразлично, но вполне тепло. От его внимательного взгляда дрожь прокатывалась волнами по спине Сижэнь, но господин Ли не стал допытываться до ее мотивов, а просто рассказал о пропавшем котенке и тоже отправил искать. Девушка не надеялась на такой успех, потому вдохновенно взялась за работу.

Осматривая комнаты и внутренний двор, она не столько искала котенка, сколько изучала убранство Сада камелий и его хозяина. Ли Инчунь остался в натопленных внутренних комнатах и, выдыхая морозный пар, Сижэнь видела только его силуэт. Облаченный в тяжелые одежды и замерший над письменным столом, Ли Инчунь казался девушке нахохлившейся хищной птицей, что внимательным взглядом следит за всем вокруг. Кто знает, какие страшные секреты прятались к ее гнезде...

Даос Ян окликнул девушку:

— Не спи! — когда Сижэнь повернула к нему удивленный взгляд, старик добавил. — Чем быстрее мы найдем Дами, тем будет для него лучше. Вдруг он забрался теперь куда-то, откуда сам выбраться не может?..

Даосы и служанка искали в саду во внутреннем дворике Сада камелий. Теперь он был убран, потому не выглядел уже так жутко, как в первые дни пребывания господина Ли в поместье Фэн, но в мутной воде маленького пруда и наскоро отпиленных ветках разлапистых вишен чувствовалось все одно отсутствие хозяина. Облетевшие кусты и внутренняя сторона забора казались тут особенно неказистыми, и в переплетениях бурого мха и чахлых лоз появлялись будто скалящиеся морды злых духов. Это место действительно пугало.

Сижэнь нашла где-то во дворе небольшую лесенку на десяток ступеней и, приставив ее к стене, осматривала крышу. Рост ее был невелик, потому девушке приходилось держаться ладонями за скат крыши и привставать на цыпочки. От этого голос ее стал глуше, когда она сказала:

— Теперь в Саду камелий живет господин Ли, но раньше, когда старый хозяин был еще жив, это место пустовало. Слуги рассказывали, что тут видели злых духов...

— В самом деле? — удивился даос Чжунчу. Обернувшись, он заметил, как раскачивается лестница под обутыми в шелковые туфли ногами Сижэнь, и приблизился, чтобы поддержать ее. — Я не чувствую тут темной ци.

— Эта служанка многого не знает, но говорят, что души членов семьи могут поколениями оставаться в родовом доме, но пока не возьмутся вредить живым — злыми духами их считать нельзя.

Даосы переглянулись. Деревенские суеверия им не рассказывали в секте, и даос Чжунчу и даос Ян подумали, что рассказы Сижэнь в самом деле звучат правдиво. Мир так велик, мог ли в самом деле их учитель знать все, что в нем творится?

Чжунчу Чэн спросил:

— А что же, тут мог жить такой дух?

— Еще как, — посмотрев на него, кивнула Сижэнь. Она в свои истории сама верила, потому говорила вдохновенно и искренне, заражая своей верой всех вокруг словно болезнью. — Даочжаны знают, что поместье Фэн стоит уже много лет, и в нем сменилось множество поколений, — служанка спустилась с лестницы на одну ступень и понизила голос. — Рассказывают, что когда-то в Саду орхидей жил глава рода, а в Саду камелий — его наложница. Эта девушка была из простых людей, не имела образования, но была прекрасна: кожа ее была словно мрамор, а губы — как лепестки вишни! Даже Император хотел забрать эту девушку в Запретный город, но она пожелала остаться с господином Фэном, пусть у того была уже и жена, и наложницы. Несколько лет они жили счастливо, но после красота девушки начала увядать, господин Фэн своей жене уделял больше внимания, чем безродной наложнице, и в конце концов она от тоски повесилась на стропилах внутренних комнат!

— Какой кошмар! — воскликнул даос Чжунчу. Даос Ян сдержался от восклицаний, но слушал заинтересованно.

— С тех пор призрак несчастной живет в Саду камелий, — опустив печальный взгляд,

рассказала Сижэнь. — Девушка не могла злиться на мужа или его старшую жену, но не могла и унять собственную тоску. Она не стала вредить семье Фэн, но осталась навеки пленницей павильона, и иногда, в лунные ночи, ее, облаченную в белоснежные одеяния, можно увидеть танцующей на крыше сада!

Кожа увлеченно рассказывающей в сотню раз приукрашенную историю Сижэнь была намного толще стен Сада камелий, потому Фэнцзи и Ли Инчунь в кабинете слышали четко каждое ее слово. Фэнцзи едва сдерживалась, чтобы не выйти на веранду и не высказать все служанке:

— Вот сплетница! — возмущалась свистящим шепотом девушка. — Сотрет язык до кости, будет знать!

— Наложница повесилась уже когда лишилась своей красоты — танец ее в таком, случае, должен быть зрелищем... необычным, — ответил господин Ли. Тут же он добавил: — Во многих старых поместьях гуляют такие истории, — и, приложив к подбородку кончик каллиграфической кисти, тихо добавил: — Так вот, выходит, чей плач я слышал ночью...

Фэнцзи не сразу осознала смысла сказанного, а осознав — на мгновение замерла. Краска отступила от лица девушки, плечи ее невольно сжались, а взгляд испуганно метнулся к углам внутренних комнат, кажущихся сегодня особенно темными. Лишь спустя долгий миг Фэнцзи смогла справиться в первом страхе и задуматься: если господин Ли слышал что-то ночью, разве он не сказал бы об этом ей прежде? Кроме того, даосы не чувствовали вокруг никакой энергии и тоже не говорили о плаче, и даже Пятый принц — что по мнению Фэнцзи способностями к заклинательству должен был во много раз превосходить даоса Чжунчу и даоса Яна, — никогда о подобном не говорил.

Девушка нахмурилась:

— Опять вы меня дразните!

На лице господина Ли появилась улыбка слабая, словно отражение луны в воде, и он опустил взгляд.

— Быстро догадалась. Видишь, ты уже умнее этих паршивцев на улице.

Даос Ян, не знающий, как нелестно его окрестили, рассказу Сижэнь тоже не поверил — почти. Он нахмурился и невольно взглянул на крышу поместья, прикидывая: ночи теперь были темными и ветряными, потому луна давно не серебрила своими лучами дороги столицы. Даже если рассказ служанки был правдив, раньше весны танцующую наложницу вряд ли удалось бы увидеть.

— Если она и есть, какое нам дело? — спросил Ян Вэньян. — Раз она не трогает живых, то и пусть живет себе.

— Даочжан не знает всей правды, — поучительно заметила Сижэнь. — До живых людей таким мирным духам действительно дела нет, но вот животных они не выносят. Могло стать, что танцующая наложница невзлюбила котенка и решила избавиться от него...

— Быть не может! — воскликнул даос Чжунчу. — Кто решится обидеть такую кроху?!

Сижэнь пожала плечами:

— Духам человеческие привязанности неведомы.

Девушка хотела сказать что-то еще, но тут из веранды выглянула Фэнцзи. Хмуро оглядев сплетников, она сказала:

— Если обыскали двор, то идите проверить Бамбуковый сад. Дами мог охотиться за птицами и убежать туда.

Все трое не стали спорить: оставив лестницу, они поспешили покинуть Сад камелий, чтобы поискать котенка в широких павильонах Бамбукового сада. В это время года редко когда жители поместья гуляли здесь, и деревянные мостики, всюду перекинутые через ручьи сада, казались заброшенными. Украшения к приезду Великого хоу еще не сняли полностью, потому что центральный павильон сада издали выделялся из серого пейзажа яркостью алых флажков — это казалось притягивающим, но жутким в той же мере.

Даосы и Сижэнь первым делом решили обыскать южную сторону сада, которая примыкала к галерее и воротам Сада камелий. Здесь воды было меньше всего, росли высокие сосны и меж них, словно робкие птички, прятались небольшие беседки с тонкими колоннами. Место это после облетания листвы не назвать было укромным, и мало кто теперь сюда ходил, потому что лишь зимний ветер лениво играл с кронами деревьев — еще издали даосы и Сижэнь слышали приглушенные голоса.

Все трое, не сговариваясь, последовали в ту сторону: вело ли их природное любопытство, или ощущение, будто происходит что-то важное, но вскоре меж деревьев, в отдалении от основной, мощеной темным камнем тропинки, показалась одинокая беседка. Она располагалась на краю сада, потому что отдыхали в ней чаще всего слуги: краска на колоннах в иных местах тут облупилась, а кусты у ведущей к ней тропинке разрослись, преграждая путь. Место удивительно уютное.

Даос Ян, что обладал способностями чуть лучшими, чем даос Чжунчу, первым услышал несколько обрывков фраз из беседки и тут же нерешительно замер. Он хотел было остановить своих спутников, но даос Чжунчу крикнул первым:

— Эй, кто там? Не прячься!

На миг всякие звуки прекратились, а после торопливо зашуршали одежды. Даосы и Сижэнь приблизились к беседке и в этот момент с лавки поднялась фигура в толстом меховом плаще. Увидев ее, Сижэнь тут же почтительно склонил голову.

— Барышня Баочжай! — воскликнула она. Дочь наложницы Чжоу и для Сижэнь считалась хозяйкой, к тому же она часто бывала в павильоне матери, потому что девушка хорошо ее знала. Тут же Сижэнь растерянно оглянулась: — Барышня, а где же ваши служанки? Что вы тут делаете совсем одна?

Фэн Баочжай не достались красота ее старшей сестры или очарование старшего брата — она была хороша собой, но напоминала фарфоровую куклу с нарисованным лицом. Даже когда девушка тепло улыбалась, выражение ее казалось натянутым, точно сейчас она разразится руганью. Несмотря на это, младшая барышня была известна спокойным, миролюбивым и мечтательным характером. Даже теперь она спокойно ответила:

— Я отпустила девочек отдохнуть: пока я здесь, они мне без надобности.

— Ну как же, совсем одни!.. — растерялась Сижэнь, но Фэн Баочжай лишь махнула розовой ладонью:

— Чего мне страшиться дома? Мне просто захотелось посидеть тут, поглядеть на деревья...

Чжунчу Чэн простодушно спросил:

— А с кем вы разговаривали? Мы слышали голоса.

— Ох, это, — смущенно опустила взгляд девушка. — Даочжан, вы не должны смеяться надо мной, но я... Я говорила сама с собой, — помолчав мгновение, девушка пояснила. — При взгляде на облетевшие деревья мне вспомнились стихи Юань Чжэня о тягости разлуки, и я решила прочесть их вслух. Простите, если своей вольностью я потревожила вас...

— Что вы, барышня! — рассмеялся Чжунчу Чэн. — Это мы должны просить прощения. Мы уже уходим.

Но даосы и Сижэнь все же немного задержались, чтобы расспросить Фэн Баочжай, не видела ли она тут котенка, и не нужна ли ей помощь в чем-либо. Сижэнь порывалась остаться рядом, чтобы присмотреть за дочерью своей госпожи, но Фэн Баочжай мягко, но решительно отослала ее. Когда трое отошли от беседки, однако, лишнее смущение слетело с Сижэнь окончательно, и до самого вечера она рассказывала даосам о своей госпоже, ее детях, и делах поместья Фэн, что могли знать только слуги.

Господин Ли не волновался, когда с наступлением темноты даосы не вернулись в Сад камелий. С помощью Фэнцзи он забрался по оставленной лестнице на крышу и, свесив с нее ноги, глядел в серое небо, поглаживая мирно спящего в складках его одежд Дами. Фэнцзи первое время сидела рядом, но быстро продрогла и вернулась в комнаты. Очень скоро, однако, к Ли Инчуню присоединился другой спутник.

— Достаточно одного легкого движения, чтобы сбросить тебя оттуда, — сказал Пятый принц, выйдя на веранду и увидев свисающие с крыши ноги господина Ли. Сверху раздался его голос:

— А Вашему Высочеству бы все издеваться над больными и убогими.

Таковым господина Ли у Фу Ичжэня, однако, при всем желании считать не получалось. Покачав головой, он в несколько движений оказался на крыше. Сев рядом, Пятый принц огляделся и спросил:

— И на что тут смотришь? Только черное небо и голые ветви!

— Нужно иметь терпение, чтобы красивый вид тебя отыскал, — отозвался Ли Инчунь. — Неужели Ваше Высочество лишен такой благодетели?

Пятый принц не ответил. Заметив Дами на коленях господина Ли, он небрежно потрепал его, вырывая из сладких объятий сна. Котенок размером был с ладонь Пятого принца, потому на миг полностью скрылся под ней. Тут же, однако, определив в нападающей руке врага, Дами извернулся и, схватившись за пальцы Фу Ичжэня зубами и передними лапами, задними принялся драть их. Пятого принца его борьба не сильно беспокоила.

— Какой он теплый, — заметил Фу Ичжэнь.

— Ага: весь день спал со мной, — тихо ответил господин Ли с мягким, неожиданным для себя выражением. Лицо его было спокойным и умиротворенным, а голос лишился и привычной язвительности, и хрипоты. Наблюдая, как Дами оставляет на молочной коже Пятого принца тонкие красные царапины, Ли Инчунь улыбнулся. — Аккуратнее, Ваше Высочество. Он ведь

так растерзает вас до сердца.

Фу Ичжэнь на холодном ночном ветру вдруг почувствовал нестерпимый жар и только и мог выдохнуть:

— Пускай...

Маленький театр:

глубокая ночь Сижэнь: И вот так двоюродный дядька нашей старой госпожи в путешествии по Персиковому источнику спас Императора.

Чжунчу Чэн: Поразительно!

Ян Вэньян: Мне кажется, в этой истории были некоторые допущения...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1722781>